

**Житие преподобных матере нашей Марии Египтяны,
списанное святейшим Софронием, патриархом Иерусалимским.
Статья первая.**

Тайну цареву добро хранить, дела же Божия открывать и проповедати славно, тако рече Рафайл Ангел к Товиту по преславном прозрении ослепленных его очес. Ибо царския не хранить тайны, боязненно есть и пагубно, а еже молчать дела Божия преславная, велия есть души тцетя. Темже и аз (глаголет Софроний святый) страхом одержимь, Божественная в молчании сокрыти, вспоминая претимую (в Евангелии) беду ленивому рабу, иже приемь от Господа талант в землю закопая, и данный делания ради сокры не делая, повесть святую до мене дошедшую никакоже умолчу. Но никтоже буди неверующ пишущему, яже слышах, ниже да мнит кто дерзаяща мя неистинная писать, сумнящся о вещи сей великой, не буди мне лгати на святых. Аще же будут нецыи, иже получивше сие писание, и преславному сему делу дивящся неудобь восхотят веровати, и оным милостив да будет Господь, понеже тии немощь человеческого помышляюще естества, неудобна быти нещуют, яже о человецех преславная глаголются. Но уже подобает начать повесть о вещи сей предивной, бывшей в роде нашем. Бысть некий старец во едином от Палестинских монастырей, жития благонравием и слова благоразумием украшен, от самых пелен во иноческих подвигах добре наставлен. Зосима же бе имя старцу тому. Иже вся подвиги постническаго жития пройде, и всякое правило преданное от совершенных иноков сохранен, вся же та творя никогдаже поучения Божественных словес пренебреже, но и возлегая, и востая, и в руках имея делание, и пиши вкушая, (аще достобит и пищею нареши, еже он мало нечто вкушаше) едино дело име немолчное, и никогдаже престающее, еже пети Богу всегда, и поучение творити Божественных словес. От самага же младенчества вдан бывши в монастырь, до пятидесяти трех лет в нем добре постническими трудами подвизася. Посем же смущен бысть от неких помышлений, аки бы он уже во всем был совершен, от иных наставления никакоже требуя, глаголя мыслию в себе: есть ли на земли монах пользоваться мя могый, иже покажет ми образ постничества, егже аз не содеях? Обрящется ли в пустыни человек, превосходящ дела моя? Сиче же помышляюще старцу, явися Ангел, и рече: о Зосимо! добре, якоже бе мощно человеку, подвизался еси, добре постническое течение прошел еси, обаче никтоже есть в человецех, иже бы себе совершенна быти показал. Блий есть подвиг подлежащий от мимошедшаго уже, егже ты не веши, да познаеши убо, колико есть ко спасению иных путей, изыди от земли твоея, якоже Авраам оный в патриарсех нарочитый, и иди в монастырь сущий при Иордане рече. Абие убо старец последуя глаголющему, изыде из монастыря, в немже от младенчества иночествова, и достиг Иордана, наставлен бысть от зовущаго во оный монастырь, в немже Бог быти ему повеле. Толкнув же рукою в двери монастырския, обрете монаха двери хранящаго, и тому первее о себе рече. Он же возвести игумену, иже его приемь, и образом монаха узрев, сотворшаго иноческое обычное поклонение и молитву, вопроси его: откуда еси, брате? И Chesо ради к нищим нам старцем пришел еси? Зосима же отвеща: еже откуда приидох, несть сие нужно рещи, пользы же ради, о отче, приидох. Слышах бо о вас великая и достохвальная, могущая душу присвоити Богу. Рече же ему игумен: Бог един, брате, исцеляяй души немощь, Той тебе и нас да научит Своим Божественным хотениям, и наставит вся творити полезная. Человек бо человека пользоваться не может, аще не кийждо внимает себе всегда, и бодрствуя духом делает полезное, Бога имый с ним купно делающая. Но понеже любовь Христова, еже видети нас, убогих старцев, тебе подвиже, пребывай с нами, аще сего

ради пришёл еси, и всех нас напитает благодатию Святаго Духа Пастырь добрый, давший душу свою избавление за нас. Сия рекшу игумену к Зосиме, поклонись он, и испросив молитву и благословение, и рек аминь, пребысть в монастыре том. Виде же тамо старцев, деянием добрых дел и Богомыслием сияющих, духом горящих, Господеви работающих. Пение бо их не престанное, стояние всенощное, в руках присно делание, и псалмы во устех их. Словесе же праздна не бе в них, промышленности о стяжании прибитков временных и печали житейския ниже именованием в них познаваема бяху, но едино бе точию и первое и последующее с поспешением о всех тщание, еже имети себе мертвых телом. Пишу же имеяху неоскудевающую словеса Божия, питаху же и тело хлебом и водою, якоже коемуждо бе к Божией любви разжжение. Сия виде Зосима, пользовашеся зело, простираяся на предлежащий подвиг. Днем же многим мимошедшим, приближися время святаго Великаго поста, врата же монастырская затворена бяху всегда, и никогдаже отверзяхуся, разве точию егда кто от них изшел бы посылаемый общия ради потребы, пусто бо бе место, и не точию иным неходимо, но и незнаемо мирянами. Бе же таков в монастыре том чин, егже ради Бог и Зосиму тамо приведе. В первую неделю поста творяше пресвитер святую литургию, и вси причащеницы бываху пречистаго Тела и Крове Христа Бога нашего, и мало от брашна постническаго вкушаху. Потом собирахуся в церковь, и сотворивше молитву прилежну, и коленопреклонения довольная, лобзяху друг друга старцы, и кийждо игумена, с поклонением прося о благословении и молении на предлежащий подвиг поспешествующем и спутьшествующем. Сим же бывшим врата монастырская отверзяху, и поюще согласно: Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь? Господь защититель живота моего, от кого утрусюся? и прочее псалма того докончаваяще, исхождаху вси в пустыню, единого или два брата хранителя монастырю оставльше, не да хранят внутри сущая имения, не бе бо в нем что татмий крадомое, но да церковь без служения Божественнаго не останетя, и прехождяху реку Иордан. Кийждо же ношаше себе пищу, якоже можахе и хотяше, противу потребы телесныя умеренну, ов мало хлеба, ов же смоквы, ин финики, другий же сочиво моченое водою, а ин ничтоже, точию тело свое, и рубы, имиже одяян быше, питашеся же, егда естество тела принуждаше, зелиями растущими в пустыни. Тако Иордан прешедше, разлучяхуся далече о себе, и не ведяше кийждо друг друга, како постится, или како подвизается. Аще ли же случашеся узрети друг друга своего к нему идуща, абие уклоняшеся на ину страну, и един живяше Богу поя всегда, и зело мало во время уреченное вкушая пищи. Сиче убо весь пост скончаваяще, возвращяхуся в монастырь, в неделю, яже есть прежде Воскресения Христова, егже предпразднство тогда с цветением церковь праздновати прияла есть. Возвращяхуся же кийждо имея трудя своего свидетеля совесть свою, сведущую что содела, и никтоже отнюд вопрошаше другаго, како и коим образом труда подвиг соверши. Таков бо бе устав монастыря того. Тогда убо и Зосима по обычаю монастырскому преиде Иордан, мало нечто от пищинося требования ради телеснаго, и одежду, еюже одяян быше. Правило же свое молитвенное совершаше сквозе пустыню ходя, и во время пищи, по нужде естественной опасно творяше. Сна же мало имяше, в нощи на земли восклонься и седши, неколико почивая, идеже нощное время его постиже, зело же рано паки востая, свое течение творяше. Вожделе же внити во внутреннюю пустыню, надеяся обрести некоего от отец тамо подвижающегося, иже бы мог пользоваться его, и приложися ему желание к желанию. Шед же двадцать дней (инии пишат осемь дней), ста мало от пути, и обратився на восток, пояше час шестый, творя обычныя молитвы, престаяше бо мало от путешествия во время правила своего, коегждо часа поя и кланяся. Егда же стояше

поя, узрэ от десныя страны стень аки человеческого телесэ, испёрва ўбо ужасэся, мя зрети привидение бесовское, и трепетен быв, знаменася знамением крестным, и страх отложив, уже скончавая свою молитву, обратися очесами к полудню, и виде некоего идуща нага телом, и черна от солнечного опаления, власы имуща на главе белы, аки волну, и кратки, яко точно до выи досягающия. Сие Зосима виде, нача тещи на страну оную, на нейже то видяше, радуясь радостью великою: не виде бо в тья дни человеческого видения, ниже инаго коего животного (како обретется преподобным Зосимою в пустыни). Егда же то видение Зосиму издалеча грядущаго узре, нача тещи и бежати в глубочайшую пустыню. Зосима же яко забы свою старость и труд путный, быстро течаше, хотя постигнути бежащее, сей ўбо гоняше, а оно бежаше, бысть же течение Зосимино скорейшее паче того бежащаго. Егда же приблизися, яко мощи уже и глас слышати, нача вопити Зосима со слезами, глаголя: почто от мене бежиши, старца грешнаго, рабе истиннаго Бога, Егже ради в пустыни сей живёши? Пожди мене, недостойнаго и немощнаго, пожди надежды ради воздаяния за твои труды, стани, и подаждь ми, старцу, молитву твою и благословение, ради Бога невозгнушавшагося никогже. Сия Зосиме со слезами глаголющу, быша близ себе, текуще к месту некоему, идеже акибы поток сух воображашеся. Егда же прибегаша на то место, бежащее сниде на другую страну. Зосима же утрудся, и ктому тещи не могый, ста на сей стране поточнаго воображения, и приложит к слезам слезы, и к воплю вопль, яко паче ближайших рыданий слышатся им. Тогда оно бежащее тело глас таков испустит: авво Зосимо, прости мя Господа ради, яко не могу обратившись явиться тебе, жена бо есмь нага, якоже видиши, и студ телесный непокровен имущая. Но аще хочещи мне, жену грешней, молитву твою и благословение подати, поверзи ми нечто от одежды твоея, да покрыю наготу мою, и обратившись к тебе молитву от тебе приму. Тогда трепет и страх великий, ужас же ума объя Зосиму, яко услыша именем себе зовома, егже никогдаже та виде, и о немже никогдаже слыша, и рече в себе: аще не бы сия прозорлива была, не бы именем звала мене. И сотвори вскоре реченное ему, снем с себе одежду ветху же и раздранну, юже носаше, верже к ней, отвратився лицом от нея. Она же вземши, покры часть тела своего, юже достояше паче иных частей покрыти, якоже бе мощно, препоясавши, и обратившись к Зосиме, рече к нему: почто тебе изволися, авво Зосимо, грешную жену видети? Что ли требуя у мене слышати, или чему научитися, толикаго труда не обленился еси подъяти? Он же на землю повергся, просяше прияти благословение от нея. Такожде и она поверже себе, и лежаша оба на земли, един от другаго благословения просящи, и ничтоже не слышати от обоих глаголемо, кроме, благословий. По мнозем же часе рече жена к Зосиме: авво Зосимо, тебе подобает благословити и молитву сотворити, ты бо пресвитерства саном почтен еси, и от многих лет святому олтарю предстоя, Божественных Таин дары Господу приносиши. Сия словеса в больший страх Зосиму подвигоша, и трепетен быв старец, слезами обливашеся и стениаше, глагола же к ней претружденным и изнемогающим отдыханием: о мати духовная! ты Богу приблизилася еси, и множайшею частию умертвилася еси, являет тя большее паче иных Божие данное тебе дарование, яко именем мя зовёши, и пресвитера нарекла еси, егже никогдаже видела еси, темже сама паче благословий Господа ради, и подаждь молитву требующему от твоего совершения. Послабивши ўбо она прилежанию старцу, рече: благословен Бог хотяй спасения душам человеческим. Зосиме же рекшу, аминь, восташа оба от земли. Она же рече к старцу: чесо ради ко мне, грешнице, пришёл еси, о человеке Божий? Чесо ради восхотёл еси видети жену нагую, ни единыя добродетели имеющую? Обаче благодать Святаго Духа наставила тя, да некое послужение совершиши телу моему бо время potrzeby. Рцы же ми, отче,

како христиане живут ныне, како же царь, и како святые церкви? Зосима же отвечает: молитвами вашими святыми мир крепок Бог даровал есть, но примите мольбу недостойного старца, и помолитесь Господа ради о мире всем и о мне, грешном, да не будет ми бесплодно пустынное сие хождение. Она же отвечает к нему: тебе паще достобит, авво Зосимо, священник имеюще чин, за мене и за вся молитися, на то бо и учинен еси, обаче понеже послушание творити должны есмы, повеленное убо мне тобою сотворю. Сие рекши, обратися на восток, и возведши очи горе, и рuce воздввши, нача молитися тихо, и не слышахуся глаголы ея, от нихже Зосима ничтоже разуме, и стояше (якоже глагола) трепетен, долу зря, и ничтоже вещая (в молитве возвышашеся на воздух). Кленяшеся же Богом свидетелем, глаголя, яко егда медляше та на молитве, воздвиг мало очи от зрения на землю, узрех ю возвышену яко на локоть един от земли, и на воздухе стоящую и молящуюся. Сие же яко виде Зосима, страхом множайшим содержимь, поверже себе на землю, слезами обливаясь, и ничесоже глагола, точию: Господи, помилуй. На земли же лежа старец, смущашеся мыслию, мя яко привидение се и дух есть, иже молитву притворяет. Обратившися же она, воздвиге старца, и рече: почто ты, авво Зосимо, помышления о привидении смущают, глаголющая: яко дух есмь, и молитву притворяю? Ей, молю ты, отче блаженне, да известен будеши, яко жена есмь грешница, но крещением святым ограждена, и не смь в привидении дух, но земля, прах, и пепел, и всячески плоть, ничтоже когда духовное помыслившая. И сие рекши, знамена крестным знамением чело свое, и очи, и устне, и перси, глаголющи сице: Бог (авво Зосимо) да избавит нас от лукаваго, и от ловления его, яко многа брань его на нас. Сия слышав и виде старец, паде пред ногами ея, глаголя со слезами: заклинаю ты именем Господа нашего Иисуса Христа, истиннаго Бога, рождаемого от Девы, Егоже ради наготу сию носиши, и Егоже ради плоть твою тако умертвила еси, не скрый от мене жития твоего, но все повеждь ми, да величия Божия яве сотвориши. Рцы ми все Бога ради, не похвалы бо ради изречеши, но да известиши, яже о тебе, мне, грешному и недостойному. Верую бо Богу моему, емуже живеши, яко сего ради наставлен есмь в пустыню сию, да твоя вся яве Бог сотворит, несть бо силы наша противитися судьбам Божиим. Аще бо не бы угодно было Христу Богу нашему, дабы ты уведана была и подвиги твоя, и тебе не явил бы мне, и мене на толикий путь не укрепил бы, никогдаже хотевшаго или могущаго изыти из келлии моея. Сия и множайшая изрекшу Зосиме воздвигши его, она рече к нему: стыждуся (отче, прости мя) студ рещи тебе дел моих, но понеже тело мое наго видел еси, обнажу ти и дела моя, да познаеши, колика студа и срамоты исполнена есть душа моя, не похваления бо некоего ради, якоже сам рекл еси, яже о мне исповем тебе, о чем бо имам похвалитися сосуд избран диаволу бывшая. Но аще начну повесть, яже о мне, бежати имаше от мене, якоже кто бежит от змия, не терпя слышати ушесы безместная, яже аз недостойная содеях, обаче изреку, не умолча ничтоже, но молю ты первее, да не оскудееши молитися за мя, яко да обрящу милость в день Судный.

Житие преподобныя матере нашея Марии Египетския.

Статья вторая.

Стáрцу желáюще увéдати житиé Мари́и, и неударжи́мо слезя́щу, нача́ она́ я́же о себé повествова́ти си́це: Аз, óтче, рождéна есмь во Егíпте, б́вшеи же ми двунáдесяти лет, и ещё́ живы́м сущим роди́телем мой́м, отверго́хся любв́е их, и идóх во Александри́ю. И ка́ко пёрвое дéвство моé растл́их, неударжимое же и ненасы́тное нача́х твори́ти любодей́ние, стыждýся же и помы́слити, не то́чию глаго́лати намно́зе, обáче нýжнейшее скорéе изглаго́лю, да увéси неударжа́ние плóти моея́: седмьна́десять лет и бóлее сотвори́х в наро́дном блудодей́нии, не ра́ди дáра или́ мзды ко́ея, ниже́ бо от не́ких даю́щих ми хотéх прия́ти, сиé же умы́слих, да мно́жайших приобря́щу притека́ти ко мне ту́не, и исполня́ти плотско́е желáние моé. Не мни же о мне, я́ко богáта бех, и не взима́х: в нищете́ бо живя́х, и мно́жицею гладна́ изгрéбия прядóх, раждеже́ние же имéях ненасы́тное, всегда́ в т́ине блóдной валя́тися, то бо мнех б́йти и жизнь, éже всегда́ твори́ти безчéстие естества́. Та́ко ўбо живу́щи, видех в не́кое жáтвенное вре́мя наро́д мног мужéй Ливи́ан и Егíптян идýщих на мо́ре, вопроси́х же тогдá не́коего прилучи́вшася мне: ка́мо идут му́жи сии́ со тщáниемъ? Он же ми рече́: во Иерусали́м, Воздв́ижения ра́ди Честна́го и Животворя́щаго Крестá, éже не по мно́зех днех прáздноватися б́дет. И реко́х к нему́: по́ймут ли ўбо и мене́, áще пойду́ с ними́? Он же рече́: áще имаши наём и бра́шно, никто́же тебе́ возбрани́т. Реко́х же к нему́: воистинну, бра́те, ни на́йма има́м, ни бра́шна, пойду́ же и аз, и вни́ду во еди́н кора́бль с ними́, и пита́ти мя има́т: те́ло бо моé дам им за наём. Сего́ же ра́ди хотéх с ними́ идти́, (óтче, прости́ мя,) я́ко да има́м мно́жайших рачи́телей гото́вых к стра́сти мое́й. Рех ти, óтче Зоси́мо, не нýди мене́ изрещи́ студ мой, ужаса́юся бо, весть Господь, я́ко оскверня́ю и са́мый возду́х словесы́ мойми. Зоси́ма же слезáми омака́я зéмлю, отвеща́ к ней: глаго́ли Го́спода ра́ди, о ма́ти моя́! Глаго́ли, и не престáни от полéзныя ми по́вести. Она́ же к пёрвым приложи́ сия́: той ўбо ю́ноша услы́шавши сквёрных мой́х словéс безсты́дие, смéхом содержи́мь оти́де. Аз же повергши пря́слицу, ю́же случи́ся ми на вре́мя носи́ти, текóх к мо́рю, иде́же текýщих зрех и видех не́кия при мо́ри стоя́щия, числóм я́ко дéсять мужéй или́ и мно́жайших, ю́ных телесы́, и́же дово́лни мне б́йти яви́шася к по́хоти мое́й. Внидо́ша же и инии́ уже́ прéжде в кора́бль, и по обы́чаю моему́ безсты́дно вскочи́вши к ним, поймите́, реко́х, и мене́, áможе вы идете́, не има́м бо вам обрести́ся неугóдна, но и ины́я рéкши сквёрныя глаго́лы, подвиго́х всех на смех. Онí же безсты́дие моé видевше, поймше мя введóша в кора́бль свой, и оттúду нача́хом плы́ти. А я́же отсéле б́ыша, ка́ко ти испове́м, о челове́че Бóжий! Кото́рый язы́к изречёт, или́ слух прийма́ет б́вшая зла́я дела́ моя́ на пут́и и в корабли́? Ка́ко и не хотя́щих аз ока́янная понужда́х на грех: несть бо о́браз нечистóт изрица́емых же и неизрица́емых, и́хже тогдá бех учи́тельница, и́ми мне véру, óтче, ужаса́юся, ка́ко понесе́ мо́ре блужéние моé? Ка́ко же не раздв́иже земля́ уст свои́х, и живу́ю мя во ад не погрузи́, толи́ко душ сéтию смёртною улови́вшую? Но мню, я́ко пока́яния моего́ Бог иска́ше, не хотя́щ смёрти грéшника, но ожида́ющ с долготерпéнием обра́щения. Та́ко ўбо и с тако́вым тщáнием взыдо́х во Иерусали́м, и ели́ко дней прéжде прáздника та́мо пребых, подóбная пёрвым твори́х, па́че же и гóршая, не дово́льна бо бех ю́ношами б́вшими со мно́ю в корабли́ и на пут́и, но и ины́я мно́жайшия, гра́жданы же и страна́ныя, на ту сквёрну собира́х. Егда́ же пости́же прáздник свята́го Воздв́ижения Честна́го Крестá, аз я́ко и пёрвее обхожда́х дýши ю́ных уловля́ющи. Видех же зело́ ра́но всех согла́сно стека́ющихся в це́рковь, идóх ўбо и аз, и текóх с текýщими, и приидóх с ними́ в притво́р церко́вный. И егда́ приспе́ час свята́го

Воздвѣженія Честнаго Креста Господня, и аз тщащися внѣти в цѣрковь с народом, тесняхся, но оттесняема, и отрѣваема бех, угнетаема же, с трудом многим и нуждею приближихся к дверем цѣркве и аз окаянная. Егда же на праг дверный возступих, инѣи убо вси невозбранно внидоша, мне же Божественная некая возбранѣ сила, не попускаючи внѣти, и паки покусихся, но отриновѣна бех, и единая в притворѣ отвержена стоях, мнѣвши же, яко от женския немощи сие случается ми. Паки инѣм входящим примесихся и нуждахся внѣти, но труждахся все, и паки бо егда нога моя грѣшная прагу коснуса, цѣрковь всех принимаше никомуже возбраняя, менѣ же едину окаянную не принимаше, но яко воинское множество на сие устроенное, еже вход возбраняти, сѣце мне внезапная некая возбраняше сила, и паки обретохся в притворѣ. Сѣце же трѣжды и четѣрежды пострадавши, трудившись, и ничтоже успѣвши, изнемогах, и ктому не могох примешатися к входящим, (бѣвшу и телу моему от нужды угнетающих зело претруждену) В студѣ же сущи и нечаянии прѣчее, отступих, и стах в некоем углу притвора цѣрковнаго, и едва некогда приидох в чувство, каа бысть вина возбраняющая мне видети Животворящее Древо Креста Господня, коснуса бо очесем сердца моего свет разума спасительнаго, заповѣдь Господня свѣтлая, просвѣщающая душевныя очи, показующи ми, яко тѣна дел моих возбраняет ми цѣрковный вход, начах убо плакаться, и рыдати, и в перси бити, въздыханія из глубины сердца износящи. Плачущися же на мѣсте, на немже стоях, узрѣх горѣ икону Пресвятыя Богородицы на стенѣ стоящую, и рекох к Ней, неотвратно очесы и умом зрящи: о Дѣво Владычице, рождающая плотию Бога Слова! вем воистинну, вем, яко несть Ти достохвально, ниже благоприятно, еже зрѣти мне сѣце нечѣстей и скверней блуднице на честную икону Твою Пречѣстыя Приснодѣвы Марѣи, имущия тело и душу чѣсту и нескверну, праведно же есть мне, блуднице, возненавиденней и омерзѣнней бѣти от Твоея дѣвственныя чистоты. Но понѣже слышах, яко сего ради Бог человек бысть, егѣже родила еси, да призовет грѣшники на покаяние, помози мне, единой не имущей ни от когѣже помощи. Повели, да и мне невозбранен будет в цѣрковь вход, и не лишѣ менѣ видети Честное Древо, на немже плотию пригвоздѣся Бог рожденный от Тебѣ, ѣже Кровь Свою за мое избавленіе даде. Повели, о Владычице! да и мне, недостѣйной, двери отверзутся к поклоненію Божественнаго Креста. И буди ми Ты, Поручница достовѣрнейшая к рожденному из Тебѣ, яко ужѣ ктому телесѣ моего не ѣмам осквернѣти никѣимже нечѣстым блуженія руганіем, но егда Древо святое Крестное Сына Твоего узрю, міра и ѣже в міре всего отвѣргуся, и абие изыду, а може Ты Самая, яко Поручница моего спасенія, наставиши мя. Сія рѣкши, и яко некое извѣщеніе приемши, верою разжѣна, и надежду на благоутрѣбие Богородицы утверждѣна, двѣгнухся от онаго мѣста, на немже стоящи творях молитву, и шѣдши паки ко входящим в цѣрковь примесихся, и ужѣ никтоже бе отрѣваяя менѣ, и никтоже возбраняяя бѣти ми близ дверей, ѣмиже в цѣрковь вхождаху. Прия убо мя страх и ужас, и вся трепетах и трясохся, таже достѣгши дверей, ѣже дотѣ затворѣны мне бѣша, без труда внидох внутрь цѣркве святая святых, и Честнаго и Животворящаго Креста Древо видети сподѣбихся, и видѣх тайны Божия, и како готѣвъ есть примати кающихся. Падши же на зѣмлю, поклонихся Честному Древу Крестному, и лобызах ѣ со страхом, и изыдох, к Поручнице моея приити тщащися. Бѣвши же на оном мѣсте, идеже бе Поручницы моея рукописаніе, икона Ея святая, и на колѣна поклонившись пред Приснодѣвою Богородицею, сія изрекѣх глаголы: Ты, о Присноблаженная Дѣво Владычице Богородице! Твое на мне показуеши преблагѣе человеколюбіе. Ты недостѣйныя моея не гнушаешися молитвы, видѣх бо славу, юже вправду недостѣйно бе мне зрѣти блудной. Слава Богу приемлющему Тебѣ ради покаяніе грѣшных. Что же ѣмам болѣе грѣшная помыслити илѣ рещѣ? Врѣмя есть ужѣ, Владычице, исполнити за

поручением Твоим еже обещах, ныне, а́може во́лиши, наста́ви мя, ны́не бу́ди ми проче́е спасе́ния учи́тельница, руково́дствующи на путь покая́ния. Сия́ глаго́ля, слы́шах глас изда́леча вопи́ющ: а́ще Иорда́н прейдеши, добр по́кой обря́щеши. Аз же глас Той услы́шавши, и я́ко мене́ ра́ди бысть, ве́ровавши, со слеза́ми воззва́х, на ико́ну Богоро́дицы зря: Влады́чице, Влады́чице Богоро́дице, не оста́ви мене́! И си́це воззва́вши изыдо́х из притво́ра церко́внаго, и скороте́чно шество́вах. Иду́щую же мя ви́де не́кто, и даде́ ми три ца́ты, ре́кши: приими́ сия́, о ма́ти! Аз же прие́мши купи́х за них три хле́ба. Вопроси́х же хлебопро́давца: кото́рый путь есть ко Иорда́ну? Уве́давши же врата́ гра́дская́ су́щая ко о́ной стране́, изыдо́х, теку́щи и слезя́щи. Вопроша́ющи же пути́ от сретáющих, день той в пути́ сконча́х, бе же к трéтиему часу́ дне, егда́ Честный́ святы́й Крест Христо́в ви́дети сподо́бихся, и со́лнцу уже́ к за́паду прекло́ншуся, достиго́х це́ркве свята́го Иоáнна Крестите́ля, близ Иорда́на су́щая, в не́йже поклони́вшись, снидо́х на Иорда́н а́бие, и от тоя́ свята́я воды́ ру́це и лице́ умы́х, и шедши́ па́ки в це́рковь причасти́хся в ней Пречи́стых и Животворя́щих Та́ин Христо́вых, и посем е́динаго от хле́бов полови́ну снесто́х, и от воды́ Иорда́нская пих, на землі́ же но́щию почи́х. И воутрие́ ра́но обрéтши та́мо корабле́ц мал, превезо́хся на о́ну страну́ Иорда́на, и па́ки помолі́хся наста́внице моёй Богоро́дице, да наста́вит мя, иде́же Ей само́й есть благоу́годно. Приидо́х у́бо в пусты́ню сию́, и отто́ле да́же и до днесь удали́хся бе́гая, и zde водвори́хся, ча́я Бо́га спаса́ющаго мя от прене́могания ду́ш и бу́ри, обраща́ющуюся к Нему́. Зосі́ма же рече́ к ней: коли́ко лет есть, о госпоже́ мо́я, отне́леже в сей водворя́ешься пусты́ни? Она́ же отве́ща: четы́редесять и семь лет разуме́ю бы́ти, отне́леже изыдо́х из Свята́го Гра́да. Рече́ же Зосі́ма: и что обрета́еши на пи́щу, госпоже́ мо́я? Она́ же рече́: полтретья́ хле́ба принесо́х прешедши́ Иорда́н, я́же помале́ изсо́хше окамене́ша, я́хже помалу́ чрез ле́та не́кая вкуша́ющи сконча́х. Рече́ же Зосі́ма: ка́ко же безбе́дно пребыла́ еси́ толи́кое вре́мене разстоя́ние, никбе́муже сопроти́вну премене́нию смуті́вшу тя? Отве́ща она́: о рече́и мя ны́не вопро́сил еси́, а́вво Зосі́мо, о не́йже ужаса́юся глаго́лати, а́ще бо воспомина́ю толи́кия бе́ды, я́же претерпе́х, и помышле́ния лю́тая смуті́вшая мя, бою́ся, да не ка́ко па́ки от них объ́ята бу́ду. Рече́ же к ней Зосі́ма: ничто́же оста́ви, о госпоже́ мо́я, е́же не возвесті́ти ми, е́диною бо о сем вопро́сил тя, да вся подро́бну изъя́виши ми. Она́ же рече́ к нему́: ве́руй ми, а́вво Зосі́мо, се́дмьна́десять лет пребы́х в пусты́ни сей, я́ко со зверьми́ лю́тыми, с мо́ими безу́мными похотьми́ борю́щихся. Егда́ бо пи́щи вкуша́ти начина́х, желáх мя́с и ры́б, я́же ми бя́ху во Египте. Желáх же и пити́я вина́ вожде́леннаго мне. Мнóго бо вина́ пия́х в ми́ре су́щи, zde же и воды́ отню́д не имeю́щи, лю́те жа́ждею пали́ма бех, и бе́дне терпя́х. Бывáше же ми и желáние блу́дных пе́сней, зело́ смущáющее и понужда́ющее мя пeти пе́сни бесо́вския, я́мже навыко́х. А́бие же слезя́щи, и в пе́рси бию́щихся, воспомина́х обе́ты, я́же сотвори́х исходя́щи, в пусты́ню сию́. Бывáх же по́мыслом пред ико́ною Пречи́стыя Богоро́дицы Споручни́цы мое́я, и пред не́ю пла́кахся, моля́щи отгна́ти от мене́ помышле́ния, си́це ока́янную мою́ ду́шу смущáющая, егда́ же до́вльно пла́кахся, и в пе́рси усeрдно бия́х, тогда́ свет ви́дех отвсю́ду мя осия́вший, и тишина́ от трево́лнения изыма́ющая бывáше ми. По́мыслы же на блуд па́ки порева́ющия мя, ка́ко ти испове́м, а́вво, прости́: о́гнь бо внутрь́ се́рдца моего́ стра́тнаго возгара́шеся, и всю отвсю́ду паля́ше мя, и к желáнию сме́шения понужда́ше. Егда́ же тако́вое помышле́ние прихо́ждаше ми, поверга́х мя на зе́млю, и слеза́ми обли́вахся, помышля́ющи са́мую мне предстоя́ти Споручни́цу мою́, преступле́ние моё́ судя́щую, и муче́ние за преступле́ние грóбно показу́ющую, и не воста́х от поверже́ния мене́ на зе́млю день и но́щь, до́ндеже сла́дкий о́ный свет осия́ваше мя, и по́мыслы смущáющия мя отгоня́ше, о́чи же мо́и к Споручни́це моёй возводя́х, непреста́нно прося́щи по́мощи мне бе́дствующей в пусты́нной пучи́не, я́коже и воистинну по́мощницу ту́ имeх и к

покаянию поспешницу. И тако скончях седмнадцать лет, безчисленные беды пострадавши. оттоле же даже до днесь помощница моя Богородица во всем, и на вся руководствует мя. Рече же Зосима к ней: не потребовала ли еси прочее пищи или одеяния? Она же отвещая: хлебы убо оныя скончавши в седмнадцати летех, питахся зелием обретающимся в пустыни сей. Одеяние же, еже имех Иордан прешедши, о ветхости истле, и многую от зимы и от зноя нужду претерпех, зноем опаляема и зимою омерзаема и трепещуща, якоже и множицею падши на земли, аки бездушна, отнюд недвижима лежах, многими и различными бедами, и искушениями безмерными борима. Оттоле же и до днесь сила Божия многообразная грешную мою душу и телу смиренное соблюде, помышляючи бо точно, от каковых мя зол избави Господь, пищу неистощимую стяжах надежду спасения моего, питаюся бо и покрываюся глаголом Божиим, содержащим всяческая, ибо не о хлебе едином жив будет человек. И елицы не имяху покрова, в камение облекошася, елико их совлечеса греховнаго одеяния. Слышав же Зосима, яко и словеса от Писания воспоминает, от Моисея же и Пророк и от книг псаломских, рече к ней: псалмом же и иным книгам, о госпоже, училася ли еси? Она же слышавши сие, осклабися, и рече к нему: веруй, человек, не видех иного человека, отнеже Иордан преидох, кроме твоего лица днесь, и ниже зверя, ни иного животного видех, книгам же никогдаже учихся, ни иного чтущаго или поющаго слышах, но слово Божие живо и действительно учит разуму человека, даже до зде конец сущия о мне повести. Ныне убо заклинаю тя воплощением слова Божия, молитися за мя, блудницу. Сия егда она изрече, и слово скончая, устремися старец поклонитися, и со слезами возопи: благословен Бог творяй великая и страшная, славная же и дивная неизреченная, имже несть числа. Благословен Бог показавый ми, елика дарует боящимся Его, воистинну не оставляеши взыскующих Тебе, Господи. Она же емши старца, не попусти тому совершенно поклонитися ей, и рече к нему: сия вся, яже слышал еси, отче, заклинаю тя Иисусом Христом Богом Спасителем нашим, да никомуже речеши, дондеже Бог от земли возмет мя. Ныне же с миром отиди, и паки в грядущее лето узриши мя Божией нас хранящей благодати. Сотвори же Господа ради то, еже ти ныне повем, моля: в пост грядущаго лета не преходи Иордана, якоже обыкосте творити в монастыре. Дивляшеся же Зосима, услышав, яко и чин монастырский возвести, и ничтоже ино глаголаше, кроме: слава Богу дающему великая любящим его. Она же рече ему: пребуди убо, якоже глаголю ти, авво, в монастыре, ибо и хотящу изыти, не возможно ти будет. Во святыи же Великий Четверток, в вечер Таинственных Христовы Вечери, возми от Животворящаго Тела и Крове Христа Бога нашего в сосуд святыи, достойный таковаго таинства, принеси же и пожди мя на оной Иордана стране, сущей близ селения мирскаго, да пришедши причащуся Животворящих Даров. Отнеже бо причастихся их в церкви Предтече, прежде даже Иордан преидох, даже до ныне святыни той не получих, ныне же усердно ея желаю, и молю тя, да не презриши моего моления, но всячески принеси ми Животворящее то Божественное Таинство, в оныи же час Господь Свои ученики вечери Божественныя причастники сотвори. Иоанну же игумену монастыря, в немже живещи, рцы: внимаи тебе и стаду твоему, некая бо тамо творятся требующая исправления, обаче хочу, да не ныне то речеши ему, но егда Господь повелит ти. Сия рекши и моления за ся от старца испросивши, во внутреннюю пустыню отиде. Зосима же поклонися до земли, целова место, идеже стоя стопы ног ея, дая славу Богу, и возвратися хваля и благословя Христа Бога нашего. Прешед же оную пустыню, прииде в монастырь, в оныи же день возвращатися обыкоша братия в нем живущии, и в то лето умолча вся, никомуже смья изрещи, яже виде. В себе же Бога моляше показати ему паки желаемое лице, скорбяше же и тужаше помышляя долготу летняго течения, хотя единым днем лету

оному быти, аще бы мощно было. Егда же приближися святаго Великаго поста первая неделя, абие по обычаю и чину монастырскому, сотворивше молитву, инии вси братия поюще изыдоша в пустыню. Зосиме же недугом распалену, нужда бе удержану в монастыре остатися. Воспомяну же той преподобную рекшую, яко, и хотящу ти из обители изыти невозможно будет, но не по многих днех от недуга востав, пребываше в монастыре. Егда же возвратишася братия и приближися вечер Таинственные Христовы Вечери, сотвори Зосима завещанное ему: вложи в малую чашу от Пречистаго Тела и Крове Христа Бога нашего. Вложи же в кошницу и смоквей мало сушеных, и фиников, и мало сочива мочена в воде, и иде в вечер зело позден, и седе на бреже Иорданове ждый преподобныя. Медлящей же святей, Зосима не воздремася, но неуклонно зряше в пустыню, ожидая видети усердно желаемое. Глаголаше же в себе старец, седя: еда како недостойнство мое возбранити приити ей, или пришедши и не обретши мя возвратися? Сиче же помышляя, воздохну и прослезися, и очи на небо возвед Бога моляше, глаголя: не лишй мене, Владыко, и паки да вижду лице то, еже видети сподобил мя еси, да не отиду тощ, нося моя грехи на обличение мое. Сиче со слезами помолився, во иное помышление преиде, глаголя в себе: что убо будет, аще и приидет, а корабля несть? Како Иордан преидет, и ко мне приидет, недостойному? Увы моему недостойнству! Увы мне, кто мя такового добра лишитися сотвори! Тако помышляюще старцу, се преподобная прииде, и на оной стране реки ста, отнюдуже идяше. Зосима же воста, радуясь и веселясь и слава Бога. Но еще с помыслом боряшеся, яко не может та прейти Иордана, и виде ю знамением крестным Иордан знаменавшую, [всю бо ночь тогда луна сияше, и купно с тем знамением взыде святая на воду, и ходящи верху воды к нему грядяше. Он же хоте поклонитися ей, но та возбранити ему еще по воде шествующи, глаголя: что твориши авво, священник сый, и нося Божественныя Таины? Он же послуша глаголющая, яже сошедши с воды, рече к старцу: благослови отче, благослови. Он же к ней отвещавая с трепетом, [ужас бо его объа от предивнаго видения] рече: воистинну Бог неложен есть, обещаый уподобити себе тех, иже себе по силе своей очищают. Слава Тебе, Христе Боже наш, показавый мне рабю Твоею сею, колико отстою от меры совершения. Сие рекшаго моли она глаголати Символ святых веры: Верую во единого Бога: и молитву Господню: Отче наш, Иже еси на небесех: и скончанней бывшей молитве, причастися святая Пречистых и Животворящих Христовых Таин, и по обычаю целова старца. Таже на небо руже воздевши воздохну, прослезися, и возопи: Ныне отпускаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мой спасение Твое. И глагола к старцу: прости, авво Зосимо, еще же и другое мое желание исполни: иди ныне в монастырь твой, Божиим миром хранимь, в грядущее же лето прииди паки во оный же поток, идеже ти первее собеседовах, прииди убо, прииди Господа ради, и паки узриши мя, якоже хощет Господь. Он же к ней отвеща: хотел бы, аще бы мощно было, в след тебе ходити, и зрети честное твое лице. Молю же, сотвори едино просимое у тебе мною старцем: вкусй мало от пищи, юже принесох семо. И сие рек, показав ей, еже име принесенное в кошнице. Она же перстов краями сочива коснувшись, и три зерна вземши, во своя принесе уста, и рече: довлееет сие благодати духовней, хранящей естество души нескверненное. И паки рече к старцу: моли Господа о мне, отче мой, моли, поминая всегда мое окаянство. Он же поклонися пред ногами ея, и прошаше ю, да молится к Богу о церкви и о царех и о нем. Сие же испросив со слезами, остави ю отити, сам стенья и рыдая, не смеяше бо надолзе ю держати, но аще бы и хотел, не удержиима бе. Она же паки Иордан знаменавши, преиде той верху воды, якоже и прежде. Старец же возвратися, радостию и страхом многим содержимый, укоряя себе и жалая, яко имене преподобныя не уведа, обаче уповаше сие получитьи во грядущее

лѣто. Лѣту же мимошѣдшу, пойдѣ Зосѣма паки в пустыню, вся исполнѣвши по обычаю, и течаше ко оному предивному видѣнию. Прешѣд же пустынную долготу, и достѣг неких знаменій, показующих искомое мѣсто, озираше десная и шуяя, и всоуду смотряше очима, аки ловѣц некий искуснейший, где бы угодный получил лов. Егда же ни откуду что движущееся тако видѣ, нача себѣ обливати слезами, и возвед на небо очи, моляшеся Богу, глаголя: покажи ми, Господи, сокровище Твое некрадомое, еже в пустыни сей скрыл еси, покажи мне (молюся) во плоти ангела, ему же соравнитися несть достоин весь мир. Сѣце молящися, достѣже мѣста, еже поток знаменоваше, и став на край того, видѣ на странѣ сущей к востоку преподобную лежащую мѣртву, руже, якоже достояше, согбенны, и лице на восток обращенно имущую, к ней же притек, нозе блаженныя слезами своими умываше, ни которой бо иной части тела дерзнул коснутися. Плакав же много, и псалмы приличныя времени тоя потребы изрек, сотвори молитву погребѣния, и рече к себѣ: погребсти ли ѣмам преподобныя тело, еда ли неугодно блаженней сие будетъ? И сѣя в мысли своей глаголя, видѣ при главѣ ея изображенное писаніе на земли сие: погребѣ, авво Зосѣмо, на сем мѣсте смиренныя Маріи тело, отдаждь персть персти, моли же Господа за мя преставльшуюся мѣсяца Фармуфіа Египетски, Римски же Априллиа в 1 день, в самую ночь спасительныя Христова Страсти, по причащеніи Божественныя Тайныя Вѣчери. Сие написаніе прочѣт старец, перве помышляше, кто есть писавай? Она бо, якоже рече, не ведяше писанія: обаче возрадовася зело, яко ѣмя преподобныя увѣда. Позна же, яко егда преподобная Божественных Таин при Иорданѣ причастіся, абие на мѣсте том бысть, идеже тогда и преставися, и а може он шествова путь, двадцать дней трудяся, тамо во един час Маріа прѣйде, и абие к Богу отидѣ. Слава же Бога старец, и слезами омочая зѣмлю и тело преподобныя, и рече к себѣ: время есть, о старче Зосѣмо! Повеленное тебѣ совершити, но како сотвориши, окаянне, ископаніе, в руках ничесоже имѣя? И сие рек, видѣ не далече дрѣвце малое поверженное в пустыни, еже взем, нача им копати, суха же сущи земля, никакоже послушаше труждающагося старца, ѣже копаше потом обливаемъ, но ничтоже успѣти можаше. Воздохнув же зело из глубины дѣха, видѣ льва велика телу преподобныя Маріи предстояща, и нозе ея лижуща, егоже узрев, трѣпетен бысть, убоясь звѣря, паче же воспомянув блаженною реченное, яко никогдаже зверѣй видѣ, знаменався же крестным знаменіем, верова, яко неврѣдно будет сохранѣн сілою лежащия. Лев же нача приближатися тихо к старцу, ласкаяся помаванми, аки целуя. Зосѣма же рече ко льву: понѣже, о звѣрю! великая сѣя повелѣ мне погребсти ея тело, аз же стар есмь, и не могу ископати гроба, ниже бо ѣмам орудія к копанію потребнаго, и в толиком разстояніи от обители не могу скоро возвратитися, и принести ѣ, сотвори убо ты копаніе ноготми твоими, да отдам земли преподобныя тело. И абие глагол сей слышав лев, ископа предними ногами ров, елико доволно бе покрыти погребаемое. Паки убо старец преподобныя нозе слезами омыв, и много молився ей за вся молитися, покры тело ея землю наго сущее, и ничтоже ино имѣющее, точию оную одѣжду ветхую раздранную, поверженную исперва от Зосѣмы, еюже Маріа покры тогда некия своего тела части. Таже отидоша оба, лев во внутреннюю пустыню, яко овча тихо отлучіся, Зосѣма же во своя возвратіся, благословя и хваля Христа Бога нашего. И пришед в монастырь, всем монахом поведа о преподобней сей Маріи, ничтоже скрыв, еже видѣ, и еже слыша от нея, яко всем слышашим величія Божія удивитися, со страхом же, верою и любовію творити память, и почитати день преставленія преподобныя сея Маріи. Иоанн же игумен обрѣте некия в монастырѣ требующія исправленія, по словеси преподобныя, и сѣя помощію Божию исправи. Зосѣма же поживши Богоугодно, близ ста лет сый, сконча в том монастырѣ жизнь временную, и отидѣ на вечную ко

Гóсподу. И оста́виша мона́си тогó монастыря́ ненапи́санное та́мо си́е о преподо́бней Мари́и сей сло́во, но по восприима́нию ед́ни от други́х глаго́люще, и во о́бщую предлага́юще по́льзу по́весть слы́шащим, писа́нием же то пре́дано дотóле не слы́шася. Аз же (глаго́лет Софрóний святы́й) е́же ненапи́санное приях, пи́санною по́вествою изъяв́их. А́ще же ин́и жити́е сея́ преподо́бныя списа́ша, лу́чше ве́дуще, то не у́ в моё ве́дение при́де, о́баче и аз коли́ко возмогóх, но си́ле моёй написа́х, ничтóже па́че и́стинныя по́вести предпочёт. Бог же предивная творя́й чудеса́, и вели́кими воздая́й дарова́нии с ве́рою к нему́ прибега́ющим, да даст мзду приобрета́ющим по́льзу от сея́ по́вести, чту́щим си́е и слы́шащим, и потща́вшемуся преда́ти по́весть си́ю написа́нием, и да сподóбит их блаѓия ча́сти Мари́и сея́ блаже́нныя со все́ми, Богом́ислием и труда́ми благоугоди́вшими ему́ от ве́ка. Дад́им же и мы сла́ву Бо́гу, Царю́ ве́чному, да и нас сподóбит ми́лость обрести́ в день Су́дный о Христé Иисусе, Гóсподе на́шем, Ему́же подоба́ет всякая сла́ва, честь и держа́ва, и поклонéние, со Отце́м и Пресвяты́м и Животворя́щим Ду́хом, ны́не и пр́исно, и во ве́ки веко́в, ами́нь.